

так живу

Мне не нравятся люди с несчастной судьбой

Даже не знаешь, как эту женщину представить. Кто она, Альбина Назимова? Безутешная вдова или снова чья-то подруга. С печального марта 1995 года к ней обращены пристрастные взоры многих. Но под Новый год уместно вспомнить другую дату: 31 декабря 1992 года, ровно пять лет назад Альбина Назимова стала женой Влада Листьева.

— У вас была красивая свадьба?

— Можно сказать, что ее не было вообще. 31 декабря 1992 года мы расписались и отправились отмечать, как и все человечество. Новый год с компанией наших близких друзей, которые были совершенно уверены, что мы уже давно муж и жена.

— Благодаря известности Влада Листьева ваша личная жизнь всегда была на виду...

— Это абсолютная неправда. Когда два человека очень много работают, то немного время, которое остается на личную жизнь, хочется потратить именно на личную, а не на общественную. Мы с Владом дорожили только возможностью общаться с самыми близкими друзьями, которые жили в том же плотном ритме, что и мы. Другое дело, что посторонние люди на нас смотрели слишком пристально. Но меня и тогда, и сейчас волнует моя жизнь — то, как она складывается, а не то, как она видится со стороны.

Моя личная среда обитания не менялась. Москва — город маленький. Людей, с которыми мы общались вместе, до этого мы знали порознь.

— Вы сразу поняли, что Влад — ваш человек?

— Его привели ко мне в мастерскую на Масловке мои друзья, я знала только, что он ведет «Взгляд». Друг на друга мы особого впечатления не произвели. У каждого была очень своя жизнь, своя семья и своя работа. Все случилось как-то само собой.

— Что Влада больше всего увлекало в вашей работе?

— Сама работа. Когда мне понадобилось поехать в командировку в Ленинград, в Эрмитаж, Влад поехал со мной, таскал картины в чемодане вместе с рабочими, живо интересовался тонкостями моего дела. Я думаю, это занятие столь привлекало его, потому что было прямо противоположно тому, чем привык заниматься он.

— Сейчас вы весьма известный человек на ОРТ. В первую очередь благодаря Листьеву?

— На самом деле в Останкино я попала задолго до того, как встретила Влада. После школы я поступила на театральное-декорационное отделение Художественного училища памяти 1905 года, получила двойку за сочинение и год проработала реквизитором в Останкино. Привела меня туда мама моего приятеля, которая работала художником-постановщиком. Я поняла, что работа художника на телевидении — это работа в группе, восприятие твоего труда зависит от коллективного творчества. К этому я готова не была. Вообще никогда не была готова ни к чему коллективному. Поэтому в следующем году я уверенно поступила на реставрационное отделение. Предпочитаю сама отвечать за все плохое и хорошее, что делаю, не люблю размытую ответствен-

ность. Тогда, в девятнадцать лет, я была уверена, что никогда больше не вернусь в здание на Королева ни в какой ипостаси.

— Влад, который уже давно был под светом софитов, помог вам иначе взглянуть на телемир?

— Для Влада, между прочим, свет софитов — это не образ, а атрибут профессии. Любой проект Влада вначале в прессе взлетел ругали, а он не расстраивался. Это отличало его от других коллег, для которых, как и для Листьева, телевидение было не профессией, но жизнью, и они болезненно реагировали на то, как оценивают их труд. Влад научил меня не обращать на это внимания. Потому что через год те же люди в тех же газетах писали диаметрально противоположное. Иногда он немножко ерничал и говорил, что пишут про него его же коллеги-журналисты и он рад возможности помочь им заработать на хлеб. Этим же я утешаю себя до сих пор, когда читаю то, что читаю.

— К моменту знакомства вы были совершенно самостоятельными и самодостаточными людьми. Помогали ли вы друг другу, советовались ли?

— Если люди живут вместе, именно вместе, а не рядом, они учатся друг у друга, у них общая система координат. Пожалуй, у меня была развита шире, но я бы не сказала — лучше, эстетическая сторона натуры, Влад этим пользовался при необходимости. Вопрос не в том, сколько мы советовали друг другу, а чему могли один другого научить.

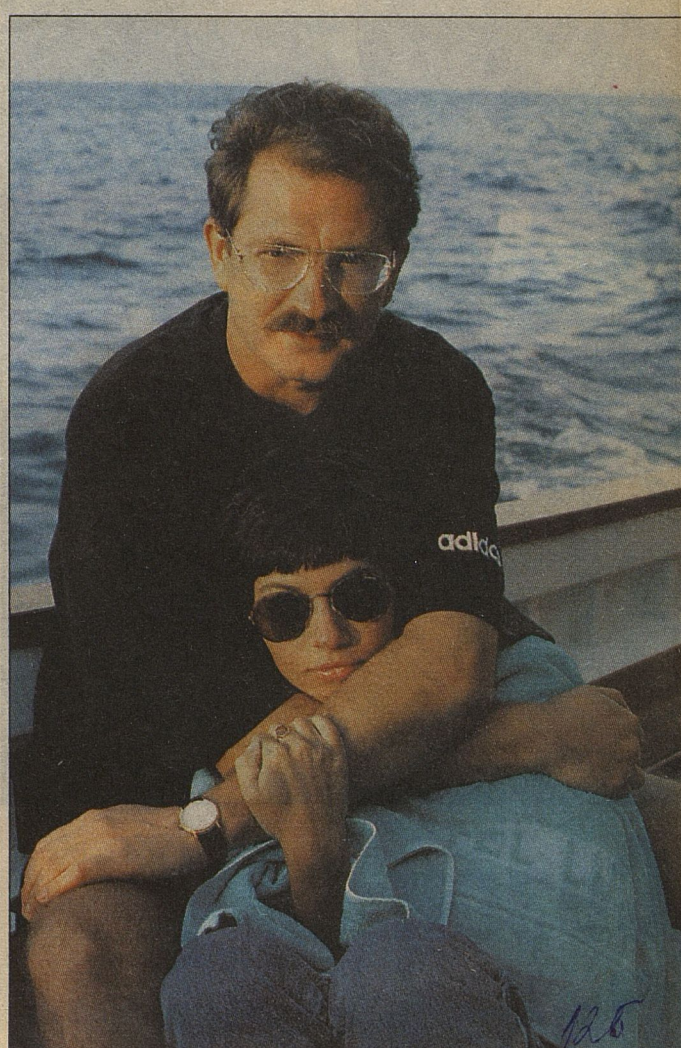
Жили мы как-то сумбурно, везе и нигде: то у меня в мастерской, то дома у мамы, то в гостинице. Своего жилья у нас не было, потому что при разводе мы оба оставили квартиры там, откуда ушли. Пока эти, скажем так, жилищные проблемы не были первичны, они не мешали. Потом, когда мы поняли, что нормальную семью не сохранить, мы купили квартиру. Сделали это на бегу, как и все прочее, что напрямую не было связано с работой: мы даже толком не рассмотрели нашу будущую квартиру, забежав туда только однажды поздно вечером.

— Вы оба безболезненно расставались с прошлым?

— Что касается моего первого брака, то это была болезнь роста. Что касается Влада... Я думаю, если человек хочет сохранить семью, ему не помешают никакие приключения. Влад со своей бывшей семьей дружил, и сейчас его тринадцатилетний сын и его мама — часть моей жизни.

— Вы чем-то пожертвовали во имя новой семьи?

— Я вообще никогда ничем не жертвовала и никаких жертв ни от кого не принимала. Это принцип моего существования — при любых обстоятельствах не стать жертвой обстоятельств. Когда я начинаю себя жалеть, мне становится плохо. Все, что со мной

Одна из редких фотографий, где Влад и Альбина вместе. Чаще всего они путешествовали вдвоем и фотографировали друг друга

произошло, я воспринимаю как должное.

— Вы часто возвращаетесь в то время? Что вспоминается в первую очередь?

— Воспоминания — у меня нет такого понятия. Память — это ассоциации, а ассоциации — это запахи, звуки, ощущения. Память — это параллельный мир, который всегда с тобой, поэтому к нему вернуться нельзя.

— Как себя чувствует человек в ситуации катастрофы, когда жизнь меняется в одно мгновение?

— Совершенно нереально ответить на вопрос, что ты чувствуешь. Это невозможно объяснить, это можно только пережить. А переживает каждый по-своему, в зависимости от того, что у него внутри. Мне казалось, что я просто заново учусь ходить и куда пойду — неизвестно.

— Кто вам тогда помогал?

— Есть вещи, с которыми человек должен справиться сам. Когда я была маленькой, я все время спрашивала, почему собачка или кошка находит на газоне свою травку и ест именно ее, откуда она знает, что это та самая травка. Наверное, это на уровне зоологии: организм каждого живого существа знает, как решать проблему са-

мосохранения и выживания. Чтобы не доходить до полного распада, приходится существовать с тем, что уже произошло, нравится тебе это или нет. Помочь могут только несколько очень близких людей. Они могут помочь присутствием.

— Вас жалели?

— Я не понимаю, что такое жалость по отношению ко мне. Со стороны это, наверное, как-то заметно, но я не чувствую. Жалеть может только мама, которая гладит по голове и говорит, что «все пройдет». То, что тогда случилось со мной, это отрезанный кусок души, в этом смысле я калека.

— А вам было кого-то жалко в тот момент?

— Никого.

— Вы понимали, как строго будет оцениваться ваша последующая жизнь, что образ вдовы в глазах общественного мнения однозначен?

— Я полагаю, что есть жизнь в миру и есть жизнь в монастыре. Если принимаешь решение остаться в миру, то ты живешь и работаешь сообразно с мирскими законами.

Моя бабушка пережила расстрел мужа, ее ребенка забрали в детский дом, она провела много лет в лагерях, но не сломалась, продолжала жить дальше. И она

ведь не единственная. Знаете, где-то я прочитала: «не люблю людей с несчастной судьбой». Вот и я не люблю.

— Как формируются такие «железные» женщины?

— Их формируют «железные» ситуации. Я всю жизнь старалась освободить себя от физических нагрузок и усилий. Влад даже шутил иногда, что ничего тяжелее карандаша я не поднимала.

Теперь все иначе. Я делаю то, что раньше казалось мне непостижимым. Катаюсь на горных лыжах, например. Вожу машину.

— И самолет.

— Да, и самолет. К этому приложил руку Лена Якубович. Я полетала с ним в качестве пассажира и поняла, что мне не страшно быть и пилотом.

Дело в том, что все это не развлечение. Это занятия, которые помогают отвлечься. Целиком сосредоточившись на другом, на элементарном физическом выживании, чтобы не сломать себе спину, скажем.

— Вы уверенно продолжаете работать в том деле, которое начинал ваш муж. Телекомпания «Вид», президентом которой был Листьев, выдает в эфир продукцию, стиль которой выбираете вы, арт-директор «ВиДа».

— Я осталась рядом с телевидением, потому что его любил Влад. У нас в доме 24 часа в сутки работал телевизор, это был постоянный фон нашей жизни. Придя в «Вид» в качестве «штатной единицы», я продолжала общаться с теми, с кем общалась и раньше. Просто многие из проблем, которые прежде обсуждались дома на кухне, теперь решаются в студии.

— Через год после гибели Влада на вопрос о возможности новой любви вы отвечали — покажет время.

— Я и тогда говорила, и сейчас повторяю — все возможно. Тогда я была уверена только в одном — со мной рядом может быть только тот человек, который сильно любил Влада.

— Ваш нынешний муж Андрей Разбаш из их числа?

— Мы с Андреем не муж и жена, мы не расписаны, для меня это принципиально. Разумеется, сейчас я отношусь к нему иначе, чем прежде. Но я не хотела бы говорить о наших отношениях. Просто не считаю это возможным.

— Вы навсегда отошли от своей профессии?

— От этого уйти нельзя. Даже формально. Когда несколько лет назад позвонили из училища, ко-

торое я окончила, и попросили зайти, я автоматически ответила: «Есть». Меня пригласили преподавать, вести курс. Иметь учеников — это удивительная степень ответственности. За них... за себя. Потому что поначалу у молодого реставратора не спрашивают, какие оценки у него в дипломе, а интересуются, у кого он учился. Я не знаю, отказался ли я взять следующую группу.

— Вы всегда жили по своим собственным законам? Даже в то время, когда служили реставратором станковой живописи в Музее искусств народов Востока?

— Реставрация — это работа с прошлым для будущего, по-настоящему оценить качество работы мастера можно только через десятилетия. Оценка в настоящем условна. Реставраторы живут, погруженные в свой мир — многогранный и далекий. Внешний мир, как правило, только фон. Мне же всегда было интересно быть и там и там.

Еще меня пугала бесполость профессии. Реставратор работает с кислотой, красками, ножами. Можете себе представить, в каком состоянии пребывают его руки. Когда я приходила к коллекционерам, посмотрев на мои, они говорили: «Поверить невозможно, что вы реставратор». Я отвечала: «А вы знаете, сколько стоит этот манжикор?»

Реставраторы получают зарплату 800 тысяч, днями и ночами не выходят из мастерской и при этом любую дополнительную работу за деньги старшее поколение считает чем-то неловким. Я этих людей всегда очень любила и уважала, но знала, что сама не такая. Если мне нужно, я могу заработать.

— Деньги для женщины — это красота или власть?

— Это средство существования, средство, которое определяет степень свободы.

— Вам никогда не казалось, что подобный вашему рабочий и жесткий ритм жизни не для женщины?

— Есть женщины, чей трудовой день заканчивается с уходом с работы. Даже самая прекрасная актриса, разгиривавшись после спектакля, может превратиться в обычную женщину, как говорится, в «тетку с авоськой». «Тетка с авоськой» — это философия жизни. В такой тетке, наверное, больше женского, чем во мне. Я, например, никогда не скрывала своего возраста, даже наоборот: мне всегда хотелось быть старше. Работа для меня — это состояние души. Я занимаюсь только тем, что

мне интересно.

— Как это вам удается выбирать только такие «всепоглощающие» занятия?

— Иногда я не знаю, чего хочу. Но всегда точно знаю, чего не хочу. В обычной школе, например, мне было неинтересно, я очень плохо училась, в одном полугодии у меня было пять двоек. С шестого класса я стала учиться параллельно еще и в художественной школе. Все, что произошло со мной за 34 года, кроме фатальных событий, я выбрала и сделала сама.

Я часто думаю, что останься Влад на престижном Иновещании, где он работал, не уйдя он вместе с несколькими рискованными молодыми журналистами на молодежное телевидение, неизвестно, как сложилась бы его судьба.

— Альбина, предположим, что вызывающая независимость — это не средство самозащиты, а ваша сущность. Есть ли люди, которых вы все-таки слушаетесь?

— Есть два таких человека. Одна из них моя учительница реставрации Ольга Павловна. Если эти

касается лично меня. А потому, что это касается репутации нашей прессы в целом.

— Вы рассчитываете на то, что рано или поздно обстоятельства гребели вашего мужа выяснятся?

— Я почти не верю, что когда-нибудь это произойдет. Влада уже все равно никто никогда не вернет.

Вы знаете, вначале у меня вообще было острое желание бросить все к чертовой матери и уехать. Я осталась здесь жить по одной-единственной причине — мы с Владом очень любили свою страну. На пятый день отпуска или командировки начинали скучать, хотелось вернуться домой.

— Что вас радует в этой жизни?

— Мне нравится, когда у меня или у тех, кто рядом, что-то получается. Мне нравятся новые проекты «ВиДа». Мне приятно, что у Вани Демидова сложился канал. Меня радует, когда я могу кому-то доставить удовольствие — глупой песенкой или подарком.

Еще я люблю предметный мир, мне нравятся вещи: отдельно стол,

Вообще-то обычно Влад ел сам...

люди погрозят мне пальцем, я слушаю их безоговорочно. Рядом со мной есть очень немного, человек десять, чье мнение я уважаю и с которым считаю. Остальное — пустое.

У меня вот спрашивают, как я живу со всем тем, что про меня и про моих близких говорят со всех сторон. А мне, по большому счету, все равно.

Я, правда, очень хочу, чтобы Павел Гусев, опубликовавший так называемую «семейную версию» гибели Влада, в следующем году не был главным редактором центральной газеты. И не потому, или, вернее, не только потому, что это

отдельно стул и они в комбинации. Помню, как однажды мы с Владом пришли на день рождения к приятелю, у которого в тот вечер собрались незнакомые друг другу люди, и он представил нас гостям так: «Ну, Листьева вы знаете все. А вот его жена, в принципе, человек хороший, только в квартире не пускайте, она там все переделает».

Все, что я делаю и переделываю в этой жизни, я делаю только для себя, и даже когда что-то — для других, только потому, что сама этого хочу.

Беседавала
Наталья ЩЕРБАНЕНКО